

УДК 159.9(035):316.64

Гарькавец Сергей Алексеевич

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля (г. Северодонецк)
e-mail: sharkavets@gmail.com
ORCID: 0000–0002–2539–3838

ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНТНОЙ ВИКТИМНОСТИ И ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

В статье рассматривается проблема межгрупповых конфликтов и анализируется феномен «конкурентной виктимности», особенности его проявления и роль в процессе эскалации вооруженного противостояния. Рассмотрены основные психологические механизмы, обеспечивающие функционирование конкурентной виктимности на индивидуальном и групповом уровнях. Сделан анализ особенностей инсталляции конкурентной виктимности в контексте вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Проанализированы факторы, которые могут способствовать минимизации проявлений конкурентной виктимности и обеспечить процесс прощения и примирения враждующих сторон после того, как будет преодолено ожесточенное вооруженное противостояние между ними.

Ключевые слова: вооруженное противостояние, враждующие группы, конкурентная виктимность, межгрупповой конфликт, психологические механизмы, примирение, прощение.

Постановка проблемы. Социальные конфликты, которые последние несколько лет сотрясают украинское государство, свидетельствуют о том, что в украинском обществе существует непримиримое противостояние между отдельными политическими и социальными группами, которое может привести к разрушению Украины как субъекта государственности и международного права. В основе этих деструктивных процессов находятся правовые, социально-экономические, культурные, религиозные, криминальные и другие причины.

Особенно обострились данные процессы вследствие вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины, где внутренние деструкции усугубились внешней агрессией. При этом четко прослеживается тенденция того, что, чем выше уровень эскалации конфликта, тем весомей становится роль жертв и потерь, которые несут конфликтующие стороны в непримиримом противостоянии, что, в свою очередь, сужает поле возможностей для его преодоления.

Однако «жертва» это далеко не всегда только объективная инсталляция. Иногда роль жертвы выбирается субъективно, когда потерпевший значительно преувеличивает собственные страдания с целью заполучить милосердие, поддержку, сострадание, сочувствие со стороны других [4]. Получив такие преференции, «жертва» начинает всячески демонстрировать

свое жертвенное положение, становится либо инфантильной, либо агрессивно-демонстративной, чтобы закрепить и усилить собственное ощущение превосходства, переходящее в гордыню и тщеславие. Жертва полагает, что она имеет право на абсолютную компенсацию ущерба, настойчиво ее добивается и ожидает, а если не получает, превращается в жестокого агрессора.

В этой связи артикулируемым становится понятие «конкурентной виктимности» («competitive victimhood» (CV), которое проистекает из общей тенденции конфликтующих групп, конкурировать между собою из-за чувства виктимности (осознания себя жертвами конфликта) и потерь, связанных с жестоким противостоянием [10; 15]. Конкурентная виктимность описывает усилия членов группы, участвующих в насильственных конфликтах, которые направлены на оправдание собственных жестоких действий, поскольку их группа (ин-группа или мы-группа) якобы страдает или пострадала больше в конфликте, чем группа противника (аут-группа или они-группа). Несомненно, такие усилия только усугубляют эскалацию конфликтов и препятствуют их мирному урегулированию. В этом смысле вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины не является исключением.

Цель статьи — рассмотреть особенности проявления феномена «конкурентной виктимности» и его инсталлирование в условиях социального и межгруппового конфликта на Юго-Востоке Украины.

Анализ последних исследований и публикаций. Собственно понятие «конкурентная виктимность» является достаточно новым в социально-психологическом дискурсе и на сегодняшний день еще не достаточно разработано. Термин введен в научный оборот английскими исследователями M. Noor, R. J. Brown и G. Prentice в 2008 году в связи с изучением конфликта и возможностей межгруппового примирения в Северной Ирландии [10]. Исследователи на основе двух тенденций — конкуренции и увлеченности собственной жертвенностью, которые проявляются в жестокое противостоянии конфликтующих сторон, разработали концепцию конкурентной виктимности, основное содержание которой состоит в том, что усилия каждой из противоборствующих групп направлены на утверждение приоритета собственных страданий, так как они страдают или пострадали больше, чем противоположная сторона. Такая конкуренция предполагает противопоставление не только количественной оценки страданий («Мы пострадали больше»), но и не легитимность страданий вообще, на основании того, что такие страдания имеют место («Мы не заслужили такие страдания»). В целом исследователи констатируют, что межгрупповое прощение и субъективные оценки прошлого насилия являются двумя основными предшественниками ориентации на примирение враждующих социальных групп.

D. Sullivan, M. Landau, N. Brancombe и Z. Rothschild [13] попытались расширить данную концепцию в контексте структурного неравенства. Исследователи установили, что члены противоборствующих групп проявляют более активное участие в конкурентной виктимности перед лицом обвинений, когда их группа несправедливо дискриминируется по отношению к

противной группе. Так отмечалось, что мужчины, если их начинают обвинять в гендерном неравенстве, выражают большую уверенность в том, что они больше дискриминированы, чем женщины.

M. Noor, R. J. Brown и G. Prentice [10] рассматривали последствия конкурентной виктимности (например, восстановленное прощение), а также факторы, которые их детерминируют (например, политическая идеология). В исследованиях I. F. Young и D. Sullivan [15] была предпринята попытка выявить мотивацию социальных групп, которые продуцируют конкурентную виктимность. В результате исследователи выделили пять аспектов виктимности, из-за которых противоборствующие группы могут конкурировать и это способствует дальнейшей эскалации конфликта. По мнению авторов, в основе конкурентной виктимности находится эгоцентрическая тенденция, в соответствии с которой представители каждой из противоборствующих групп оценивают свои травмы и ущерб гораздо выше, чем это имеет место у членов противоположной группы. Такими аспектами выступают: физические страдания (человеческие потери, инвалидизация, сиротство и т. п.), материальные убытки (потеря материальных ресурсов, отсутствие средств к существованию, безработица и т. д.), культурные потери (угроза утраты уникального образа жизни, религии, языка, традиций и т. д.), психологические страдания (стресс, различные психические расстройства и т. п.), нелегитимность страдания (несправедливость, что такие страдания вообще имеют место в группе).

Yi. Juan [9] считает, что конкурентная виктимность основывается на таких психологических мотивах, как коллективное чувство виктимности (всех членов группы объединяют тяготы и лишения, которые имеют тяжелые последствия), когнитивная атрибуция ответственности (мы все потерпевшие в своей группе и преступники для членов противостоящей группы), смещение воспоминаний о конфликте в сторону глубокого субъективизма (внушенное представление, обработка селективной и субъективной информации, ее запоминание и воспроизведение), желание сохранить моральный облик и восстановить утраченные полномочия (поддержание групповых эмоциональных состояний — гнев, страх, тревога и т. д.). Исследователь также отмечает, что в условиях прямого насилия конкурентная виктимность продуцирует независимо от статуса группы. Основными условиями этого выступают принятие роли жертвы и насаждение веры в то, что все члены группы являются потерпевшими, и необходимо преследовать тех, кто пытается это опровергнуть. То есть конкурентная виктимность отражает очевидную эгоцентристскую тенденцию, направленную на возвеличивание собственных утрат и жертвенной активности.

N. Shnabel, S. Halabi, M. Noor, I. Young и D. Sullivan считают, что конкурентная виктимность выполняет ряд функций [10; 14; 15]. Непосредственно в группе она направлена на то, чтобы повышать эскалацию конфликта, усиливать идентификацию членов внутри группы, ослаблять их ответственность за совершаемые насильственные действия, получать поддержку от других, не являющихся членами данной группы. Однако обратной стороной таких функций выступает обострение конфликтного взаи-

модействія, що в цілому перешкоджає процесу міжгрупового прощення і примирення.

Вместе с этим основными психологическими механизмами установки конкурентной виктимности исследователи считают идентификацию, категоризацию и рационализацию [12; 14]. Так, механизм идентификации, кроме того, что способствует формированию личностной и социальной идентичности индивида, еще приводит к отождествлению его с членами определенной социальной группы, где восприятие переживаний в этой группе становится стимулом его собственной активности, в том числе и виктимной. Механизм категоризации определяет соотношенность единичных объектов с определенным классом, социально стереотипизирует явления действительности, в том числе виктимного характера. Рационализация, как психологический механизм, обеспечивает сокрытие истинных мотивов поведения индивидов и обеспечивает их комфортное психическое состояние, подавление чувства вины и стыда за совершенные действия, придачу им оправдательных мотивов.

N. Shnabel, S. Halabi, M. Noor [14] также отмечают, что снижение уровня конкурентной виктимности приводит к возникновению условий для прощения и примирения враждующих сторон. Так, изучая возможности преодоления конфликта между израильтянами и палестинцами, исследователи установили, что акцент на их общей виктимной идентичности приводит к уменьшению конкурентной виктимности, в то время как артикуляция региональной идентичности не способствует иницированию процесса примирения. Приобретение членами противоборствующих групп либо общей идентичности жертвы, либо общей идентичности насильника приводит к снижению уровня конкурентной виктимности и увеличивает шансы на прощение. Также в условиях продолжительных конфликтов с применением насилия, характеризующихся межгрупповой конкурентной виктимностью, повторной категоризации в общей идентичности будет недостаточно, если она не удовлетворяет актуальную потребность групп, в признании их жертвами конфликта. Кроме того, авторы считают, что конкурентную виктимность можно преодолеть, если изменить эмоциональное отношение субъектов конфликта. Например, обучение в регуляции эмоций в виде когнитивной переоценки уменьшает амплитуду негативных эмоций и усиливает поддержку политики по разрешению конфликтов среди израильских евреев.

Таким образом, по мнению зарубежных исследователей, конкурентная виктимность является понятием, которое отражает установку враждующих социальных групп на признание их жертвами конфликта, с целью получения преференций и уступок, связанных с восстановлением их морального статуса, компенсации потерь и амнистирования за преступления, которые ими были совершены во время вооруженного противостояния.

Изложение основного материала. Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины обострил многие противоречия, которые имели и продолжают иметь место в украинском обществе. Но, если ранее отмечалась разность ориентиров в дальнейшем развитии украинского государства (например,

жители Восточной Украины, в большинстве своем, ориентировались на Россию, а западной — на Европейский Союз), то спустя два года возникли новые измерения, связанные с потерями и утратами, которые принесло непримиримое вооруженное противостояние на Юго-Востоке украинского государства.

При этом мы не акцентируем внимание на наличии внешней агрессии, которая, несомненно, имеет гибридное проявление со стороны Российской Федерации. Отметим только то, на что мы уже ранее обращали внимание, а именно инсталлирование обиды во взаимоотношениях россиян и украинцев на двух уровнях. На первом уровне россияне (подобно ухажеру, которому отказали) испытывают недовольство тем, что неблагодарные украинцы стремятся «их кинуть», «уйти к другому», став частью Европы, а не «русского мира», что ими рассматривается как предательство. На втором уровне украинцы испытывают унижение собственного достоинства, поскольку некто присвоил себе право принимать за них судьбоносные решения. При этом российско-украинский конфликт носит не национальный (этнический), а ценностный характер, это противостояние между советским прошлым и тем будущим, которое сегодня выбирает большинство украинцев, этап новой холодной войны, которая угрожает перерасти из войны гибридной в третью мировую [3]. То есть на сегодня актуализирована проблема поиска шагов по преодолению установок на психологическое непринятие (идиосинкразию) в отношениях украинцев и россиян. При этом наши предложения сводились к тому, чтобы реализовать систему социально-психологических влияний, где основное место отводится не эмоционально-фоновым конструктам (пропаганда, внушение, заражение), а когнитивным и рациональным феноменам (аргументы, факты, убеждения) [8].

Новые вызовы, которые связаны с жертвами и потерями вооруженного противостояния, актуализировали инсталляцию украинской идентичности и обусловили возникновение конкурентной виктимности у субъектов конфликта. С одной стороны, вследствие военного конфликта значительная часть украинцев обрела украинскую идентичность, а с другой — часть украинцев выступила против украинского государства и тем самым существенно маргинализировалась. При этом поиск путей возможного примирения между этими двумя большими социальными группами значительно усложняется вследствие затягивания вооруженного противостояния и возрастания количества жертв конфликта как с одной, так и с другой стороны. Жертвы конфликта способствуют наращиванию амплитуды агрессии, непримиримости и жестокости, при которых о прощении и примирении враждующих сторон говорить становится все труднее. В каждой из противоборствующих сторон уже сформировалась большая группа так называемых непримиримых, которые либо постоянно твердят эмоциональную мантру «Не забудем! Не простим!», либо готовых действовать в соответствии с принципом американского гангстера Аль Капоне: «Можно ли простить врага? Бог простит! Наша задача организовать их встречу».

Стоит обратить внимание и на то, что гибридная внешняя агрессия со стороны Российской Федерации значительно подпитывает конкурентную

виктимность представителей маргинальной группы и значительно расширяет границы ее проявления. То есть можно говорить о возникновении конкурентной виктимности не только у той части украинских граждан, которые выступают против украинской государственности, но и у российских граждан, которые принимают участие в вооруженном противостоянии на их стороне. Поэтому при преодолении конкурентной виктимности в этой большой социальной группе следует учитывать широту ее распространения, которая в данном случае значительно выходит за территориальные границы, в которых происходит рассматриваемый вооруженный конфликт.

Как уже отмечалось, конкурентная виктимность преодолевается вследствие прямого контакта между противоборствующими группами и выражается как их общая идентичность, но идентичность либо жертвы, либо насильника, и не обязательно основанная на общей региональной принадлежности. Акцент делается и на таком факторе, как политическая идеология, который детерминирует конкурентную виктимность, и на личностных чертах представителей конфликтующих сторон, что выступает психологическим компонентом данного противостояния. В первом случае, как отмечают D. Sullivan, M. Landau, N. Branscombe, Z. Rothschild, необходимо понижать удельный вес влияния политической идеологии, а во втором — повышать уровень эмпатии личности [13].

Общеизвестно, что эмпатия является важным свойством личности, которое определяется как предрасположенность к сопереживанию человеку, который испытывает значительные трудности и которому требуется помощь. Чем больше индивид склонен к сопереживанию, тем выше уровень проявления его альтруистических побуждений. При этом акцент делается именно на сопереживании, а не на сочувствии, которое может проявляться просто из вежливости. Однако если сопереживание больше связано с эмоциональной вовлеченностью собственного «Я», то сочувствие выступает личностным свойством, которое формируется в условиях социального обучения [7]. Поэтому мы считаем, что применительно к конкурентной виктимности необходимо говорить именно о сочувствии, которое можно сформировать у членов враждующих групп, если пересмотреть информационную политику, которая, к сожалению, сегодня выполняет пропагандистскую функцию. Снижение роли политической идеологии с ее пропагандистскими эмоционально-фоновыми конструктами и повышение удельного веса когнитивных и рациональных доводов, доказывающих необходимость человеческого отношения к своему противнику, повысит общей уровень эмпатии и понизит уровень конкурентной виктимности субъектов конфликта.

Однако для этого необходим прямой контакт между противоборствующими группами и наличие общей идентичности участников конфликта. Как уже отмечалось, общая идентичность должна быть либо идентичностью жертвы, либо идентичностью насильника-победителя. То есть участники противостояния должны в равной мере или осознавать себя потерпевшими в конфликте, или идентифицировать себя как «достойных противников, которые по доброй воле прекращают борьбу».

Значительного снижения удельного веса политической пропаганды в информационном пространстве можно добиться не только кардинальной сменой информационной политики, которую осуществляют противоборствующие группы и их сателлиты, но и использованием рациональных методов психологического влияния. Известно, что метод убеждения является единственным рациональным методом психологического влияния, в противоположность иррациональным по своей природе внушению, заражению и подражанию, которые широко применяются в пропагандистских целях [1; 5].

Вместе с этим вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины, как и любой другой, имеет амплитуду своего проявления, которая связана с его длительностью и остротой. Известно, что длительность конфликта определяется ясностью целей конфликтующих сторон, степенью их согласия по поводу смысла победы или поражения, способностью лидеров понять, чего стоит победа, и возможностью убеждения своих сторонников в том, что конфликт необходимо прекратить. Острота конфликта определяется его эмоциональностью, сгруппированностью и сплоченностью противоборствующих сторон, их изолированностью и обособленностью, терминальностью, а также тем, насколько конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов его участников [6]. Таким образом, конкурентная виктимность противоборствующих сторон, несомненно, значимо возрастает, что связано с длительностью и остротой протекания данного вооруженного конфликта.

Также важным обстоятельством является оценка положения мы-группы, как более плохого по сравнению с положением они-группы. Это проявление так называемого феномена относительной депривации (по Л. Берковицу [2]), который является объяснительным концептом переживаемого чувства несправедливости. По мнению М. Дойча [6], члены группы, которые объективно характеризуются более благоприятными, впоследствии могут ощущать большую неудовлетворенность из-за относительной депривации, если их ожидания были более высокими или они оказались окруженными людьми, которые находятся в лучшем положении, чем они. В данном случае субъекты, которые выступили против единства украинского государства, с течением времени ощутили большее неудовлетворение своим положением, поскольку расчет на быструю победу (развал украинского государства, создание эфемерной Новороссии) не оправдался, а результатом стало ухудшение их положения (непризнанные, изолированные территориальные образования). Поэтому конкурентная виктимность в антиукраинской группе имеет высокую остроту переживания, что детерминирует увеличение ожесточения и непримиримости большинства ее членов. Они считают свое положение более жертвенным, а поэтому оценивают свои физические и психологические травмы, а также материальный ущерб гораздо выше, чем у представителей противной группы. Собственные физические страдания, материальные убытки, культурные утраты, психологические проблемы они возводят в абсолют и тем самым пытаются манипулировать своим положением, а также уйти от ответственности за совершенные преступления, за которые в будущем, несомненно, придется отвечать.

Вместе с этим конкурентная виктимность в антиукраинской группе «подпитывается» коллективным чувством виктимности и тех россиян, которые враждебно относятся к США, ЕС и всем тем, кто поддерживает в этом конфликте Украину. Когнитивная атрибуция ответственности усиливает такие тенденции, поскольку продолжающееся вооруженное противостояние только прибавляет жертв и разрушений. Происходит еще большее сплочение в мы-группе, в которой «свои» всегда считаются героями, какие бы действия они ни совершали против «чужих», из они-группы. Российские средства массовой информации постоянно подают селективную и субъективную информацию, тем самым усиливая запоминание и воспроизведение тех событий, которые исключительно выгодны для дальнейшего группирования. И все это окрашивается эмоциями гнева, страха, враждебности и агрессии, которые направлены на то, чтобы восстановить статус-кво антиукраинской группы и доказать правомерность ее деструктивных действий.

Уровень конкурентной виктимности в проукраинской группе имеет тенденцию к своему росту вследствие продолжающейся гибридной агрессии со стороны Российской Федерации и стремления Украины предстать перед цивилизованным миром в образе жертвы, которой необходимы помощь и поддержка. Группирование также происходит через артикуляцию когнитивной атрибуции ответственности и селекцию информации, в которой акцент делается на внешнюю агрессию, и нивелирование аспектов, связанных с имеющим место гражданским противостоянием. В последнее время представители данной группы стараются в политическом дискурсе все чаще употреблять понятия «коллаборанты» и «комбатанты» и меньше «сепаратисты».

Таким образом, продолжающийся вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины помимо жертв и разрушений, которыми он сопровождается, усиливает проявление конкурентной виктимности его участников. Очевидно, что такое усиление происходит как на групповом, так и индивидуальном уровнях. При этом именно от уровня конкурентной виктимности значимо зависит возможность прощения и примирения враждующих сторон после того, как закончится вооруженное противостояние между ними.

Выводы. 1. Рассмотрение понятия «конкурентная виктимность» является достаточно продуктивным, поскольку это способствует углубленному пониманию основного содержания ожесточенных межгрупповых конфликтов, которые сопровождаются большим количеством жертв и потерь и в которых возникают внутренние деструктивные тенденции, приводящие его к дальнейшей эскалации.

2. Конкурентная виктимность возникает и возрастает в условиях ожесточенного противостояния, при котором множатся жертвы не только физического, но и материального, психологического и культурного характера. Страдания, которые приносит вооруженный конфликт членам противоборствующих групп, порождают у каждого из них глубокое чувство виктимности, которое, по их мнению, несравнимо с аналогичным чувством у представителей противной стороны, поскольку собственная группа якобы претерпевает от конфликта несравненно больше и для них он явля-

ется более тягостным. Конкуренция за высокий уровень виктимных страданий или проявление чувства жертвы порождает еще один конфликт — конфликт нелегитимности страдания вообще, который мотивирует членов каждой их противоборствующих групп к еще большему ожесточению.

3. Основными факторами, которые способствуют минимизации проявлений конкурентной виктимности, являются: прямой контакт между враждующими группами; наличие общей идентичности потерпевших (жертв) и общей идентичности тех, кто совершал насилие (преступников); сформированное чувство эмпатии (сочувствия) у участников конфликта; значительное снижение удельного веса политической пропаганды в информационном пространстве, замены иррациональных конструкторов психологического влияния на рациональные.

4. Несомненно, после прекращения вооруженных действий основной акцент необходимо будет сместить на преодоление конкурентной виктимности, что станет одним из ключевых шагов в разрешении социального конфликта на Юго-Востоке Украины. Снижение уровня конкурентной виктимности, и не только в проукраинской и антиукраинской группах, но и среди россиян, будет способствовать сближению противоборствующих сторон, активизации процесса межгруппового прощения и примирения. Однозначно, тяготы, связанные с прощением и примирением, гораздо легче, чем постоянные страдания в кругу бесконечного насилия.

Список использованных источников и литературы

1. Аронсон Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды / Э. Аронсон, Э. Пратканис. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. — 543 с. — (Лучшие психотехнологии мира).
2. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль / Леонард Берковиц. — СПб. : Еврознак, 2001. — 512 с.
3. Гарькавец С. А. Обида и ее инсталляция в контексте российско-украинских отношений / С. А. Гарькавец, С. И. Яковенко // *Фундаментальные исследования в практиках ведущих научных школ: Электронный журнал*. — 2014. — № 4. — URL: fund-issled-interm.esrae.ru/4-47
4. Гарькавец С. О. Віктимологія: навчальний посібник / С. О. Гарькавец. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. — 116 с.
5. Гарькавец С. О. Соціально-нормативний конформізм особистості у психологічному вимірі: [монографія] / С. О. Гарькавец. — Луганськ : Ноулідж, 2010. — 343 с.
6. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. — СПб. : Питер, 2002. — 464 с. — (Серия «Мастера психологии»).
7. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2008. — 512 с. — (Серия «Мастера психологии»).
8. Harkavets S. Psychological features of conflict in the system of modern relations between Russians and Ukrainians / Serhey Harkavets // *Eureka: Social and Humanities. Social psychology*. — 2016. — № 2. — С. 40–45.
9. Juan Yi. Which group suffer more: Inter group Competitive Victimhood / Yi. Juan // *Psychological Science*. — 2016. — Vol. 39 (2). — P. 468–473.
10. Noor M. Precursors and mediators of intergroup reconciliation in Northern Ireland: A new model / M. Noor, R. J. Brown, G. Prentice // *British Journal of Social Psychology*. — 2008. — Vol. 47, № 3. — P. 481–495.
11. Noor M. On positive psychological outcomes: What helps groups with a history of conflict to forgive and reconcile with each other? / M. Noor, R. Brown, R. Gonzalez, J. Manzi,

- C. A. Lewis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2008. — Vol. 34, № 6. — P. 819–832.
12. Noor M. When suffering begets suffering: The psychology of competitive victimhood between adversarial groups in violent conflicts / M. Noor, N. Shnabel, S. Halabi, A. Nadler // *Personality and Social Psychology Review* — 2012. — Vol. 16. — P. 351–374.
13. Sullivan D. Competitive victimhood as a response to accusations of in-group harm doing / D. Sullivan, M. J. Landau, N. B. Branscombe, Z. K. Rothschild // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2012. — Vol. 102. — P. 778–795.
14. Shnabel N. Overcoming competitive victimhood and facilitating forgiveness through re-categorization into a common victim or perpetrator identity / N. Shnabel, S. Halabi, M. Noor // *Journal of Experimental Social Psychology*. — 2013. — Vol. 49, № 5. — P. 867–877.
15. Young I. F. *Competitive victimhood: A review of the theoretical and empirical literature* / I. F. Young, D. Sullivan // *Current Opinion in Psychology*. — 2016. — Vol. 11. — P. 30–34.

REFERENCES

1. Aronson, E., Pratkanis, E. (2008). *Sovremennye tekhnologiy vliyaniya i ubezhdeniya. Epoha propahandy [Modern theories of influence and persuasion. The era propaganda]*. SPb.: Praim-EVROZNAK [in Russian].
2. Berkovits, L. (2001). *Ahressyia. Prychyny, posledstvyia i control [Aggression. The principles, consequences and control]*. SPb.: EVROZNAK [in Russian].
3. Harkavets, S. A., Yakovenko, S. I. (2014). *Obida i ee installiatsiya v kontekste rossyisko-ukrainskikh otnosheniy [Resentment and its installation in the context of Russian-Ukrainian relations]. Fundamentalnye yssledovaniya v praktykakh veduschykh nauchnykh shkol — Basic research in the practices of leading scientific schools. Vol. 4*. Retrieved from URL: <http://fund-issled-interm.esrae.ru/4-47> [in Russian].
4. Harkavets, S. O. (2006). *Viktimolohiya. Navchalnyi posibnyk [Victimology. Textbook]*. Luhansk: Vyd-vo SNU im. V. Dalia. [in Ukraine].
5. Harkavets, S. O. (2010). *Sotsialno-normatyvnyi konformizm osobystosti u psiholohichnomu vimiri [Social and regulatory conformity of the individual in the psychological dimension]*. Luhansk: Vyd-vo Noulidzh. [in Ukraine].
6. Hrishina, N. V. (2002). *Psiholohiya konflikta [Conflict Psychology]*. SPb.: Pyter. [in Russian].
7. Ilin, E. P. (2008). *Motivatsyia i motivy [Motivation and motives]*. SPb.: Pyter. [in Russian].
8. Harkavets, S. (2016). Psychological features of conflict in the system of modern relations between Russians and Ukrainians. *EUREKA: Social and Humanities. Social psychology*. 2. 40–45.
9. Juan, YI. (2016). Which group suffer more: Inter group Competitive Victimhood. *Psychological Science*. Vol. 39. 2. 468–473.
10. Noor, M., Brown, R. J., Prentice, G. (2008). Precursors and mediators of intergroup reconciliation in Northern Ireland: A new model. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 47, 3. 481–495.
11. Noor, M. Brown, R., Gonzalez, R., Manzi, J., Lewis, C. A. (2008). On positive psychological outcomes: What helps groups with a history of conflict to forgive and reconcile with each other? *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 34, 6. 819–832.
12. Noor, M., Shnabel, N., Halabi, S., Nadler, A. (2012). When suffering begets suffering: The psychology of competitive victimhood between adversarial groups in violent conflicts. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 16. 351–374.
13. Sullivan, D., Landau, M. J., Branscombe, N. B., Rothschild, Z. K. (2012). Competitive victimhood as a response to accusations of in-group harm doing. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 102. P. 778–795.
14. Shnabel, N., Halabi, S., Noor, M. (2013). Overcoming competitive victimhood and facilitating forgiveness through re-categorization into a common victim or perpetrator identity. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 49, 5. 867–877.
15. Young, I. F., Sullivan, D. (2016). *Competitive victimhood: A review of the theoretical and empirical literature*. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 11. 30–34.

Гарькавець Сергій Олексійович

доктор психологічних наук, професор, професор кафедри психології та соціології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Сєверодонецьк)

ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНТНОЇ ВІКТИМНОСТІ ТА ЗБРОЙНИЙ КОНФЛІКТ НА ПІВДЕННОМУ СХОДІ УКРАЇНИ

Резюме

У статті розглядається проблема міжгрупових конфліктів та аналізується феномен «конкурентної віктимності», особливості його прояву та роль у процесі ескалації озброєного протистояння. Розглянуті основні психологічні механізми, що забезпечують функціонування конкурентної віктимності на індивідуальному та груповому рівнях. Зроблений аналіз особливостей інсталяції конкурентної віктимності у контексті збройний конфлікту на Південному Сході України. Проаналізовані чинники, які можуть сприяти мінімізації проявів конкурентної віктимності та забезпечити процес прощення та примирення ворогуючих сторін після того, як буде подолане запекле збройне протистояння між ними.

Ключові слова: озброєне протистояння, ворогуючі групи, конкурентна віктимність, міжгруповий конфлікт, психологічні механізми, примирення, прощення.

Harkavets Serhey Alekseevich

Doctor of Psychology, Professor, Chair of Psychology and Sociology, Volodymyr Dahl East Ukrainian National University (city Severodonetsk).

PROBLEM OF COMPETITIVE VICTIMHOOD AND ARMED CONFLICT IN THE SOUTHEAST OF UKRAINE

Abstract

The article deals with the problem of intergroup conflicts and analyzes the phenomenon of «competitive victimhood», particularly its manifestation and role in the escalation of the armed conflict. The basic psychological mechanisms that ensure the functioning of competitive victimhood at the individual and group levels. The analysis of the installation of competitive victimhood in the context of the armed conflict in the south-east of Ukraine. The factors that can help to minimize the manifestations of competitive victimhood and ensure that the process of forgiveness and reconciliation of warring parties after will overcome fierce armed confrontation between them.

Key words: armed conflict, the warring groups, competitive victimhood, intergroup conflict, psychological mechanisms, reconciliation, forgiveness.

Стаття надійшла до редакції 28.09.2016